

СТАРЫЙ ДВОР

Вхожу я в дворы проходные,
Просторные наши дворы.
Мне только они... не родные,
Так жалко ушедшей поры.

Мне вдруг вспоминается сразу
Немудрого детства житьё:
Три связанных пленника-вяза,
Меж ними трепещет бельё.

Наш двор в непрерывном движенье,
Глаза у мальчишек горят:
В кустах разыгралось сраженье,
Один на троих — автомат!

Ещё далеко до победы,
Ещё во дворе не темно...
За столиком мудрые деды
С азартом стучат в домино.

И хочется пленникам-вязам
Послушать про давние дни
Седых ветеранов рассказы,
Но связаны крепко они.

Во всех моих бедах повинна,
На дивных своих каблуках
Идёт королева — Ирина,
Несёт моё сердце в руках.

Ирина... Какою ты стала —
Ведь столько прошло с той поры...
Гляжу я с балкона устало,
Как выросли наши дворы.

Но нет в них и памяти детства,
И думаю я об одном:
Сегодня душе — не согреться
На сером дворе проходном!

РУССКИЙ КРЕСТ

Вдали от струящихся рек, перелесиц
Нашёл себе русский последний приют:
Над каждой могилой вокруг — полумесяц,
И душною ночью цикады поют.

Здесь птица незна́мая крикнет спросонок,
Как будто душа кому знак подаёт.
Здесь русский наш крест — невесом он и тонок —
Свечой восковой у ограды встаёт.

Под белым крылом у холодной метели,
От русского отчего дома вдали,
У старой немецкой заснеженной ели
Меж серых надгробий кресты проросли.

Лишь травы чужие склоняются низко.
Здесь друг не положит на холмик цветка.
Ушедшей душе — что кресты,obeliski, —
Ей даже полынь — да и та не горька!

ТЕНЬ СОЛДАТА

Полыхало огнём... Сизый пепел от сёл
Расползлся по дальним оврагам.
Злобный вражеский строй Украиною шёл
Под когтистым — со свастикой — флагом.

Не дожив до Победы, я умер от ран —
Лишь берёзы пришли к изголовью.
Но мне чувствовать больно, как грязный Майдан
Истекает народной кровью.

И встаёт моя тень... Как бы с чувством вины
По земле своей горькой блуждает.
«Разве мы не гасили проклятой войны?» —
У живущих она вопрошает.

Не восстала моя Украина от мук
И не стала с Россией единой,
Если с факелом ходит бандеровский внук
И поёт сатанинские гимны.

Снова взрывы тревожат людей поутру,
Задыхаются пламенем зори,
И кровавые реки стекают к Днепру,
И чадит неизбывное горе.

Небо в синем облако купает,
Пахнет луг ромашкой, резедой.
Богоматерь Светлая, Святая,
Сохрани земли моей покой,

Чтобы зрело золотое жито,
Колосились мирные поля.
Чтоб в народе было позабыто,
Как горела отчая земля.

Мать украдкой слёзы прячет,
Самый близкий человек.
Ей врачи сказали, значит,
Что уж мой недолог век.

Что ж... Тогда, друзья, придите,
Да и вся моя родня,
И по-русски помяните
Непутёвого меня.

Да не этой, заграничной,
Недешёвой... Чёрт ли в ней?
А бутылкою «Столичной» —
Так привычной и ладней.

Приподнялся на постели,
Удивлённый кинул взгляд:
То — не вольные метели,
Это — ангелы летят.

В окна белые проникли,
Свет божественный тая,
И к судьбе моей приникли...
Будто вновь родился я!

Руки есть... И ноги вроде...
Оба глаза, как у всех.
Мне при всём честном народе
Появиться так — не грех!

Я из дома. Ветер в спину,
Полы рвёт, ядрёна мать!
Я пойду на Украину
С дядей Сэмом воевать!

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Последний выстрел прозвучал вдали.
Закончился последний смертный бой.
Упал на грудь измученной земли
Боец последний — парень молодой.

И как обидно: кончилась война,
А вот парнишка — нем и недвижим.
Земля дрожит, печалится луна,
И вьются тучей вороны над ним.

А он, безусый... — он мечтал любить,
Но пуля жизнь его оборвала.
В бою кровавом — лиха не избыть:
Здесь даже травы сожжены дотла.

Там, в смертном сне, — и пусто, и темно.
Кровь с гимнастёрки смоем частый дождь,
И ветер в материнское окно
Ворвётся с болью: мол, напрасно ждёшь...

А он на землю будет с высоты
Смотреть, как ангел... Ей молить добра...
И вспыхнут свечи — алые цветы —
Там, где совсем недавно смерть прошла.

Погаснет лето. Ляжет листопад,
И землю обновит снежинок рой,
И только ветер вымолвит: «Солдат!
Болят ли раны — там, в земле сырой?»

Старик смотрел советское кино.
И убегала линия сюжета
В его весну, в наивные рассветы.
Он видел: колосилось рожью лето,
Казалось бы — ушедшее давно...

И лентой мчались годы перед ним
Далёкие... И сполохи сирени,
Друзей, подружек дорогие тени
Вернули те заветные мгновенья —
Прозрачных майских парков вешний дым!

Та девушка... И не её вина,
Что с ним была стеснительно-сурова,
Что не успел сказать святое слово.
Настанет день — она приснится снова...
Но их любовь похитила война.

Судьба его оставила в живых.
Пришёл с фронтов — ни звания, ни чина,
Лишь седина да ранние морщины.
В России на слезу скупы мужчины,
И слава показная — не для них.

И видится ему который год:
Закрит дождями перелесок дальний.
В окне встаёт понуро день печальный.
Над Родиной его многострадальной
Седой туман из-за морей плывёт.

И пусть хапугам нынешним смешно:
«Всего-то и делов — медаль «За Прагу»!»
Он целым миром понят и оправдан.
Он знает эту горькую отраду:
Смотреть почти забытое кино.